

Кан Ю-вэй и научный метод (на материале «Лекций о небесах»)

Мартынов Д.Е., к.и.н., доцент

Интеллектуальное развитие Кан Ю-вэя (康有為, 1858 – 1927) начавшись в 1870-е годы, не останавливалось до конца его жизни. Существенную роль в этом развитии сыграли западные естественные науки, в частности, астрономия. Под 1879 г. в его «Автобиографии» сообщается, что в 1879 г. он «прочитал несколько западных книг»¹, естественно, имелись в виду китайские переводы. В 1882 г. в Шанхае Кан Ю-вэй купил «множество западных книг, все, что смог достать»², а в следующем, 1883 г., подписался на бюллетень *Вань го гун бао* (萬國公報, «Всемирный вестник») – нерегулярный обзор материалов лондонской «Таймс» на китайском языке. Результаты подобного чтения были налицо: под 1884 г. в «Автобиографии» подробно описаны учёные занятия Кан Ю-вэя⁴. В 1886 г. Кан Ю-вэй проводит ночные бдения с телескопом, в результате которых разрабатывает «естественную календарную систему», призванную заменить несовершенные лунный китайский и солнечный григорианский календари⁵.

На какой научной базе выстраивались эти занятия? Сяо Гун-цюань писал, что между 1810 и 1899 гг. протестантские миссионеры перевели на китайский язык или скомпилировали около 30 работ, которые так или иначе касались астрономии⁶. Кан Ю-вэй, безусловно, мог ознакомиться с некоторыми из них. Немалый вклад в его интеллектуальное развитие внесли и переводы с японского языка, которым посвящён обширный трактат 1897 г. «Библиография японских книг» (*Жибэнь шуму чжи* 日本書目志). В этом трактате, между прочим, перечислены 12 книг по астрономии, из которых три описаны как «общие», семь посвящены календарю, а две – метеорологии⁷. Можно также предположить, что некоторую роль в развитии интересов Кан Ю-вэя сыграла научная фантастика. В «Библиографии» упоминается роман Иноуэ Энрё (井上圓了, 1858 – 1919) «Записки о воображаемом путешествии в звёздные пределы» (*Сэйкай союки* 星界想游記)⁸.

В годы эмиграции Кан Ю-вэй не утратил интереса к астрономии: во время странствий по миру между 1899 и 1913 гг. он как турист навещал обсерватории Европы и США. Выходили и новые переводы астрономической

¹ Мартынов Д.Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. Казань, 2010. С. 109.

² Указ. соч. С. 111.

³ Там же.

⁴ Указ. соч. С. 113 – 116.

⁵ Указ. соч. С. 117 – 119.

⁶ Hsiao Kung-chuan. K'ang Yu-wei's Excursion into Science: *Lectures on the Heavens* // K'ang Yu-wei: Biography and Symposium. Tucson (Arizona), 1967. P. 391, 403 – 404.

⁷ Кан Ю-вэй. Жибэнь шуму чжи 日本書目志 (Библиография японских книг) // Кан Ю-вэй цюань цзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений). Т. 3. Пекин, 2007. С. 284.

⁸ Указ. соч. С. 522.

литературы на китайский язык, по Сяо Гун-цюаню, к 1924 г. их насчитывалось примерно две дюжины. Некоторые тезисы «Лекций о небесах» свидетельствуют, что Кан Ю-вэй регулярно знакомился с новыми сведениями по астрономии⁹.

Полное выражение естественнонаучные взгляды Кан Ю-вэй нашли в его трактате «Лекции о небесах» (*Чжу-тянь цзян 諸天講*), написанном в 1926 г. за полгода до кончины, и опубликованном учениками в 1930 г. Несмотря на заглавие, это не учебник астрономии, а весьма сложное сочинение, касающееся, в основном, общефилософских и космологических вопросов. Как справедливо указывал Сяо Гун-цюань, излагаемые астрономические сведения «весьма далеки как от представлений европейских астрономов, так и того, что было доступно Кану в последнее десятилетие XIX в. и первые десятилетия века XX»¹⁰.

Трактат открывается сентенцией о том, что издревле астрономия в Китае не была особенно развита¹¹. Это утверждение доказывается на материале развития традиционной китайской астрономии, для чего преимущественно используются династийные хроники, в которых обязательно содержался трактат об астрономии (*Тянь-вэнь чжи 天文志*). Заключение неутешительно: «Я цитировал выше утверждения персон, которые в моём государстве в свою историческую эпоху считались людьми больших познаний и великими учёными (*тун жэнь мин ши 通人名士*), но ныне видно, что они пребывали наполовину во тьме, их суждения подобны детским, ни одно не достойно упоминания. Это происходило потому, что они не заглядывали в трубу телескопа (*юаньцзин 遠鏡*), пользуясь только невооружённым глазом; так постичь Небо почти невозможно»¹².

Кан Ю-вэй признавал, что новый толчок китайской астрономии придало европейское влияние (начиная с эпохи Мин, 1368 – 1644). Решительно встав на сторону западной науки, он продолжает опровержением астрологии и использования астрономических данных для предсказаний, а также решительно расправляется с традиционной системой корреляций между частями света, зодиакальными созвездиями и областями Китая¹³. Во вводной главе содержится хорошо знакомое ещё по *Да тун шу* рассуждение: система предсказаний и небесных знамений была изобретена в древности, чтобы удержать правителя от дурного управления. Поскольку к началу XX в. стало ясно, что «сообщения по земному шару облегчились, множество государств сосуществуют одновременно, многие монархии превратились в республики», а Земля – всего лишь одна из планет Солнечной системы, то и не может быть прямой связи между расположением звёзд и деятельностью чиновников в отдельно взятом государстве.

⁹ Hsiao Kung-chuan. K'ang Yu-wei's Excursion into Science. P. 393.

¹⁰ Указ. соч. P. 377.

¹¹ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян 諸天講 (Лекции о небесах) // Кан Ю-вэй цюань цзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений). Т. 12. Пекин, 2007. С. 13.

¹² Указ. соч. С. 17.

¹³ Указ. соч. С. 17 – 18.

Из этого следует, что Кан Ю-вэй в 1910-е – 1920-е гг. ещё больше укрепился в сознании торжества западной науки, и бичевал традиционную китайскую науку как сплошную ошибку, достойную только осмеяния. По той же причине он отбрасывал буддийскую космологию, как не соответствующую данным западной астрономии. Если сравнивать тексты «Лекций о небесах» и «Книгу о Великом Единении» (*Да тун шу* 大同書, опубликована в 1913 г.), выяснится, что десятилетием ранее Кан защищал китайскую традицию от западной цивилизации, и всячески подчёркивал национальный приоритет, даже если это и выражалось в карикатурных формах. Известная гротескность присутствует в *Чжу-тянь цзян*: отвергая китайскую науку, Кан Ю-вэй не чувствовал противоречия, продолжая возвеличивать китайскую традиционную систему ценностей, и легко смешивал научные и псевдонаучные представления, лишь бы они служили его теории. Иной вопрос, что его представления о методе познания изменились весьма существенно.

Долгие годы Кан Ю-вэй занимался созданием и обоснованием собственной версии конфуцианства в терминологии школы Гуньяна, и ещё в 1896 г. (в предисловии к трактату *Чунь-цю Дун-ши сюэ* – «Учение г-на Дун [Чжун-шу] о “Вёснах и осенях”») писал, что истина отыскивается не в зарегистрированных фактах и событиях, а только в субъективно воспринимаемых принципах (*и* 義)¹⁴. Иными словами, важна не истина как таковая, а только такая доктрина, которая позволит влиять на большие человеческие массы, ведя их под руководством совершенного мудреца в правильном направлении. Если даже такая доктрина будет весьма причудлива, но будет полностью удовлетворять основной цели, совершенный мудрец, не задумываясь, использует её¹⁵. Здесь Кан мыслит как политик тоталитарной эпохи, предвосхищая практику первой половины XX в., но о научном методе не может идти и речи. И вот, в «Лекциях», написанных 30 лет спустя (в 1926 г.), он же настаивает на том, что единственный легитимный метод исследования небес – точное наблюдение посредством самых лучших (дословно – «очищенных», «рафинированных» 鍊, лян) инструментов. Иными словами, он требует, чтобы теория была подтверждена конкретными свидетельствами. Однако что это за свидетельства?

Интересный материал на эту тему мы находим в главе 7 «Лекций», в секции «Метеоры являются остатками распавшихся комет». Имеет смысл его процитировать: «Ядро кометы Биэлы (卑拉彗星之核) раскалывалось дважды в 1845 г.¹⁶; комета вновь появилась в 1872 г.¹⁷, а рядом наблюдались метеоры, отрывавшиеся от неё, как капли дождя. <...> В юности я полагал, что кометы

---

¹⁴ Кан Ю-вэй. Чунь-цю Дун-ши сюэ 春秋董氏学 (Учение г-на Дун [Чжун-шу] о «Вёснах и осенях») // Кан Ю-вэй цюань цзи 康有為全集 (Полное собрание сочинений). Т. 2. Пекин, 2007. С. 307.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ошибка Кан Ю-вэя: это произошло в 1846 г.

¹⁷ И это не точно: после 1852 г. комету никто не наблюдал. 27 ноября 1872 г. наблюдался обильный метеорный дождь (3000 метеоров в час), радиант которого находился в точке пересечения орбиты кометы Биэлы с земной орбитой. Этот метеорный дождь стал известен как Андромедиды (Биэлиды), и был связан с разрушением кометы. Метеоры наблюдались до окончания XIX в., а потом исчезли. (URL http://prosto-o-slognom.ru/astronomia/61_Katastrofa.html)

– это умершие звёзды (星之死 sic! – Д.М.). [Ныне] можно в этом удостовериться»¹⁸. Как видим, речи не идёт об эмпирических фактах и рационалистическом мировоззрении, а «конкретные свидетельства» до крайности расплывчаты, так что, критикуя китайских астрономов классической эпохи, Кан едва ли далеко от них ушёл. Единственным их «грехом» оказывается отсутствие телескопов!

Тем не менее, этой весьма шаткой базы достаточно, чтобы начать расправу с суевериями и в первую очередь с астрологией. Кан Ю-вэй решительно отвергает предположение, что кометы являются знаменем войн, эпидемий и прочих бедствий, и восхваляет авторов «Истории династии Мин» за то, что они не указывают появления «необычайных звёзд». В то же время, описывая кометы как природное явление, Кан допустил грубую ошибку: он полагал кометы чётко периодическими небесными телами, такими же, как спутники планет.

Кан Ю-вэй выказывает большое восхищение перед Коперником и Ньютоном, причём использует такую же лексику, как и при восхвалении Конфуция в своих трактатах 1890-х годов, и в *Да тун шу*, но делает при этом очень характерные ошибки: «Очевидное знание, что Земля – планета, обращающаяся вокруг Солнца, даровал нам около конца правления династии Мин, а по западному календарю в 1530 г., итальянец Коперник (哥白尼)¹⁹. [Когда в Китае] приехал Ли Ма-доу (Маттео Риччи, 利玛竇), он ещё не знал об этом. До Коперника никто понятия не имел, что Земля обращается вокруг Солнца... Поэтому я совершаю поклонение духу Коперника и воскуриваю ему благоволия, бью в барабан и пою [хвалебные гимны], и предлагаю ему жертвоприношения. Позднее появился Галилей (伽利略), который скорректировал открытия Коперника. Во время [правления под девизом] Кан-си, а по западному календарю в 1686 г., англичанин Ньютон (奈端) открыл силу тяготения, и то, что взаимодействие планет на орбитах вокруг Солнца происходит из-за центростремительных и центробежных сил. С тех пор астрономия стала понятной для людей. Такова суть заслуг Ньютона, поэтому его вместе с Коперником следует сопричислить к поминаемым в храме Конфуция (*пэй сянь* 配享). Поэтому я почитаю этих двоих как старших братьев»²⁰.

Сяо Гун-цюань, комментируя этот фрагмент, замечает, что Кан Ю-вэй вряд ли мог оценить вклад в науку, произведённый Коперником, Ньютоном и Галилеем. Галилея он упоминает походя, равно не знает о перевороте в математике и физике, произведённом работами Ньютона. Сяо Гун-цюань писал: «в конечном итоге Кан не был профессионалом в области астрономии, как и не был подготовленным учёным. Поэтому нас интересуют не его фактиче-

¹⁸ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 53.

¹⁹ Транскрипции Кан Ю-вэя специфичны: не зная западных языков, он ошибался при передаче имён и топонимов со слуха, кроме того, родным его языком был кантонский диалект (粵語), с его весьма специфической фонетикой, и именно для этого диалекта Кан подбирал иероглифические соответствия.

²⁰ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 19. В действительности старших братьев у Кан Ю-вэя не было.

ские познания в научной астрономии или насколько они были точны, но его энтузиазм к научному методу в астрономии»²¹.

Даже при беглом просмотре текста «Лекций» у читателя невольно возникает двойное ощущение: научные знания Кана были дилетантскими и ошибочными (приведённые примеры достаточно красноречивы), но при этом они были поистине энциклопедическими. Нельзя не преисполниться уважения к человеку, который был не в состоянии читать западных научных трудов или хотя бы их японских переводов, и не получил современного образования, но при этом пытался овладеть данными, поступающими с переднего края тогдашней науки, и это в эпоху, непосредственно предшествующей научно-технической революции.

Собственно «Лекции» открываются главой «Земля». Её содержание покажется знакомым читателю *Да тун шу*: сообщается, что Земля была создана из солнечного вещества, и перечисляется 8 планет Солнечной системы²².

Эта история очень поучительна в плане методологии: в год издания «Лекций о Небесах», в 1930 г., был открыт Плутон, который долгое время считался девятой планетой Солнечной системы. Только в 2006 г. Международный астрономический союз признал Плутон представителем класса особых небесных тел – карликовых планет или плутоидов, и, таким образом, планет снова стало восемь²³.

Подробнее о планетах и их спутниках рассказывается в главе 5, но в начале второй главы Кан Ю-вэй оценивает масштаб дома человечества в сравнении с другими небесными мирами и доказывает, что Земля очень мала, а Небо безгранично²⁴. В древности у людей не было судов, способных обойти вокруг света, и телескопов, приближающих небесные тела, поэтому считалось, что Земля по масштабам соответствует Небу (*пэй тянь* 配天). «Называли Небо отцом, а Землю матерью, [говорили, что] отец – *цянь*, а мать – *кунь* (*цянь фу эр кунь му е* 乾父而坤母也), возлагали жертвы на алтари Неба и Земли. Хотя на свете так много мудрецов, почему же они не смогли вразумить человечество?!»²⁵. Формула «отец – *цянь*, мать – *кунь*» вводится в трактате «Западная надпись» одного из основателей неоконфуцианства – Чжан Цзя (张载, 1020 – 1077), чьё учение Кан Ю-вэй признавал чрезвычайно близким собственной теории Великого Единения. Такое «иконоборчество» характерно для мышления Кан Ю-вэя: низвергая на склоне лет великого конфуцианского авторитета, он показывает, что готов отбросить любую философскую концепцию, если она не подтверждается научными данными.

В этой же главе содержится комментарий, который тоже напоминает *Да тун шу*: «Наша Земля ничтожно мала, и даже если вся власть над всем земным шаром перейдёт в руки одного великого государя, разве не будет он ничтожно мал по сравнению с Небом? И всё же Земля разделена на сотню госу-

²¹ Hsiao Kung-chuan. K'ang Yu-wei's Excursion into Science. P. 380.

²² Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 19.

²³ Астрономия: век XXI / Ред.-сост. В.Г. Сурдин. Фрязино, 2007. С. 34.

²⁴ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 19.

²⁵ Там же.

дарств, борющихся друг с другом, как если бы они не были порождением одного Солнца; военные походы осуществляются постоянно и служат предметом бахвальства, им ставятся памятники и делаются записи золотыми буквами в стремлении передать память последующим поколениям; это ли не величайший позор?!»²⁶.

В области космогонии Кан Ю-вэй придерживался небулярной гипотезы (*син у шо* 星雾说), созданной И. Кантом (韩图) и П.-С. Лапласом (立拉士). В «Лекциях» довольно точно передана её основная суть. Первоначально вместо Солнца и планет существовала раскалённая газообразная масса – «порождающая туманность» (*фан син юнь* 发星云), которая по мере прогрессивного охлаждения сформировала небесные тела²⁷. Эта гипотеза была общепринятой в науке XIX в., однако в самом начале XX в. была дополнена планетезимальной теорией Чемберлина и Моултона, и Кан Ю-вэй знал о её существовании! Он писал: «Чемберлин (顷真巴连) и Моултон (摩路顿) утверждают, что Солнечная система сформировалась из спиральной туманности. Когда два Солнца приблизились друг к другу, гравитационная сила каждого произвела приливно-отливные движения. Далее солнечная материя собралась в форме спирали и стала обращаться вокруг, эта материя сконденсировалась²⁸ и образовала планеты. Учёные более позднего времени, верили в эту теорию больше, чем [в небулярную теорию Канта – Лапласа], и вскоре назвали её новой небулярной теорией»²⁹ [11, с. 20]. Это описание неточно, причём Кан Ю-вэй не сообщал о главной особенности планетезимальной теории: при сближении Солнца и гипотетической второй звезды произошёл выброс части солнечного вещества, из которого впоследствии сформировалось большое число малых протопланетных тел – планетезималей, вращающихся в том же направлении, что и само Солнце. Из них путём аккреции сформировались впоследствии все тела Солнечной системы, в том числе и планеты³⁰.

Гипотеза Чемберлина и Моултона была опубликована в 1905 г., после неё появились и другие теории, но ни об одной из них Кан Ю-вэй известно не было. Это следует иметь в виду, оценивая действительный вклад Кан Ю-вэй в историю науки, – места для его естественноисторических штудий там не находится.

Весьма объёмна глава 8 «Лекций», посвящённая Млечному пути, который дословно именуется «небом Серебряной реки» (*инь хэ тьянь* 银河天). Здесь больше научной информации, чем в предыдущих главах, и практически нет философических построений. Галактика, по словам Кан Ю-вэй, «представляет собой звёздное скопление, формой напоминающее нефритовый ритуальный диск (*би* 璧), но не столь правильное: в центре Галактика более всего напоминает конский боб или кокон шелкопряда, а по краям

²⁶ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 22.

²⁷ Указ. соч. С. 20.

²⁸ Использован термин *нин цзи* 凝集 «сцепляться», в биологии и химии – «агглютинировать».

²⁹ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 20.

³⁰ Со временем эта гипотеза была отвергнута, но понятие о планетезимальных бомбардировках принято в современной науке (Астрономия: век XXI. С. 100 – 101).

сплюснута, как тарелка»³¹. Число звёзд в Галактике оценивается в 200 миллионов (二万万). Кан Ю-вэй также пишет, что звёзды имеют разный цвет и светимость, а расстояния от звёзд до Земли исчисляются в световых годах, и для некоторых звёзд (например, Сириуса) приведены эти данные. Он также знает о существовании парных и кратных, новых и переменных звёзд³². Пусть эти данные не всегда точны, но уровень знакомства с общими положениями современной астрономии для конфуцианского каноноведа вызывает уважение.

Примечательны в этой главе поэтические вставки. После четырёх вводных – весьма кратких – секций, следует «Песнь о Млечном пути» (*инь хэ тянь гэ* 银河天歌), в которой причудливо сочетаются дидактическая поэзия и точное астрономическое знание. Приведём её перевод:

*Запрокинув голову ввысь, созерцаю Серебряную реку.
Поперёк неба пространство белого света простирается!
Его длина – шестнадцать градусов небесной дуги,
Собрано в нём дважды по сто миллионов светил,
Хотя иные говорят – три миллиарда.
Наше Солнце и восемь планет образуют единое семейство.
Солнце – лишь звезда ничтожная, что как вошь над водопадом
Небесной реки подвешена;
Лишь песчинке в Ганге можно её уподобить.
Огромные белые звёзды накалены до мириады градусов,
Заливают светом ланиты своих соседок.
Ослепителен блеск их, доносящийся до меня;
Вдалеке я брожу, но доносится до них песнь моя.
На триста шестьдесят градусов дуги небо простираются,
а Серебряная река – всего на десяток.
Сколько их таких стремится в даль небесную?
То – лишь единица из тьмы тем светил, что вуаль небесную ткнут³³.
Я сажусь в Небесный Корабль³⁴ и ввысь устремляюсь,
Непринуждённо, как в танце, в Млечный путь погружаясь.
Соболезную, видя лица Волопаса и Ткачихи,
Что пристально смотрят друг на друга,
да не в силах переправиться³⁵,
Так досадно, что не преодолеть малых волн чистого потока,
Нет и святейшей Сороки³⁶, что помочь бы смогла,
Не встретишь Чжан Цяня, кто плот бы построил³⁷.*

³¹ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 56.

³² Указ. соч. С. 57 – 58.

³³ Дословно «единица из 160 000» – неточный математически, но удачный поэтически образ, соотносящийся с шестидесятиричной системой астрономических координат. К галактике Млечного пути относится эпитет 蹇 – «препятствие» (*цзянь*, 39-я гексаграмма «И-цзина»): огромная галактика – лишь песчинка в гигантской вуали (*да ло* 大羅) Неба.

³⁴ Помимо дословного значения, это и созвездие *тянь чуань* 天船, включающее девять светил в Персее.

³⁵ *Нюлан* 牛郎 – звёзды, находящиеся к западу и востоку от Небесной реки – Млечного Пути. По легенде, Небесный владыка за усердие разрешил Ткачихе выйти замуж за Волопаса, жившего на западном берегу реки. Выйдя замуж, та перестала ткать, и в наказание Владыка возвратил её на восточный берег.

³⁶ *Сянь цюэ* 仙鹊 – ещё один фольклорно-мифологический образ.

³⁷ *Кань* 张騫 – знаменитый путешественник эпохи Ханьского У-ди, вошедший в историю как человек, способный вынести почти нечеловеческие испытания. Его биография содержится в *Ши-цзи* (гл. 123) и *Хань шу* (гл. 61).

*Смотрю вдаль, на мою цель – величайшую водородную звезду,
Вскоре она соединится с Млечным путём*³⁸.

Это стихотворение в структуре «Лекций», во-первых, показывает кругозор Кан Ю-вэя, а, кроме того, «наводит мосты» между миром строгих фактов, полученных при помощи линзы и окуляра телескопа, и миром вольного умо-зрения.

Подведём некоторые итоги: попытка Кан Ю-вэя обратиться к естественнонаучным проблемам не привела к оригинальному синтезу и тем более – не явилась вкладом в развитие астрономии в Китае. Собственно говоря, положение Кан Ю-вэя было менее благоприятным, чем у среднестатистического астронома-любителя XIX в. в Европе или США. «Лекции о небесах» ни в коем случае нельзя считать учебником по астрономии или чем-то подобным: точной информации там немного, а теории западных астрономов преломлены в сознании Кан Ю-вэя весьма причудливо, да ещё и с точки зрения гуманитария, получившего средневековое образование. Кан Ю-вэй, как и многие его современники конца XIX в., понимал необходимость выхода за круг усвоения сугубо технических новинок, за что ратовали лидеры движения «самоусиления», и понимал, что одной из причин успеха стран Запада является прогресс науки. В «Лекциях о небесах» легко заметить выпады против китайских суеверий. Попытка применения научного метода означает одно: естественные науки, наряду с социальными и гуманитарными, должны обогатить интеллектуальное поле Китая. Как и прочие конкретные цели, поставленные Кан Ю-вэем, эта попытка не удалась. Интеллектуальную изоляцию Кан Ю-вэя в период создания «Лекций» подчёркивает его полное неучастие в знаменитой дискуссии о науке и метафизике, которая проходила в первой половине 1920-х гг.

---

³⁸ Кан Ю-вэй. Чжу-тянь цзян. С. 54.